

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

У Паганини была скрипка,
музыка которой способна
изменить судьбу...

Тайна Паганини

Наталья Николаевна Александрова

Тайна Паганини

Серия «Артефакт & Детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74488991

Тайна Паганини: [роман] / Наталья Александрова: Эксмо; Москва;

2026

ISBN 978-5-04-254282-4

Аннотация

Когда Светлана получает в наследство от деда старую полуподвальную квартиру, она уверена, что судьба сыграла с ней злую шутку. Но за неприметной дверью бывшей дворницкой скрывается совсем другой мир – тайные комнаты, мастерская великого реставратора старинных скрипок и след загадки, уходящей к самому Никколо Паганини.

Неожиданное наследство становится началом опасного расследования. Станные посетители, загадочные документы, редчайшие музыкальные инструменты и секрет, за которым кто-то готов охотиться даже спустя много лет после смерти хозяина дома, втягивают Светлану в игру, где цена ошибки слишком высока.

Наталья Александрова

Тайна Паганини

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Серия «Артефакт & Детектив»

© Александрова Н.Н., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

– Ищешь кого?

Я стояла перед входом в шестиэтажный дом красного кир-

пича и разглядывала табличку с номерами квартир.

В это время дверь подъезда открылась, на пороге возникла крепкая тетка лет шестидесяти, с лицом примерно такого же краснокирпичного цвета, как дом. Она оглядела меня пристальным взглядом и повторила:

– Говорю, ищешь кого?

– Вообще-то я ищу Евфросинию Сергеевну... – протянула я неуверенно.

– Так это я и есть, – ответила тетка. – Можешь меня тетей Фросей называть, как все. А то язык сломаешь. А ты кто и по какому конкретному вопросу?

– Меня, вообще-то, Михаил Михайлович прислал, нотариус Селиверстов...

– А, Михалыч! Он мне звонил, говорил, что ты придешь. Значит, ты, выходит, Карпыча внучка?

– Кого? Какого Карлыча?

– Не Карлыча, а Карпыча.

– Вообще-то, моего дедушку звали Иван Федорович.

– Точно. Только его тут все Карпычем звали, потому как фамилия его была Карпов. Значит, ты его внучка... это очень хорошо, что ты как раз сейчас пришла.

– Да? Почему же это так хорошо?

– А это ты сейчас увидишь почему! Пойдем...

– Куда?

– Как куда? Ты же пришла квартиру смотреть, вот туда и пойдем...

Тетя Фрося, более ничего не говоря, направилась не в подъезд, как я ожидала, а к дворовой арке. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Пройдя арку, мы оказались в обычном питерском дворе, в меру мрачном и унылом.

Этот двор оживляла пара чахлых деревьев, под которыми притулилась давно не крашенная скамейка. Рядом с ней имелась детская песочница, на краю которой умывался кот.

Тетя Фрося миновала скамью и песочницу и направилась в дальний угол двора.

Подойдя ближе к этому углу, я увидела лестницу, уходящую вниз, к полуподвальной двери.

Остановившись возле лестницы, тетя Фрося обернулась ко мне и проговорила сочувственно:

– Вот она, значит, бабушки твоего квартира.

– Как?! – переспросила я испуганно. – Это что же, подвал? Все мои мечты о собственной квартире на глазах таяли.

– Полуподвал, – уточнила тетя Фрося. – Знаешь, частушку раньше пели: «Я живу в высотном доме, но в подвальном этаже»? Вот это про тебя. Вообще-то, это бывшая дворницкая.

– Дворницкая? – снова переспросила я.

– Ну да, когда-то здесь дворник жил, а потом Карпычу дали эту квартиру. Другие не соглашались, а он согласился. Мне, говорит, здесь даже удобнее. Ему уж потом предлагали в новый дом переехать, а он ни в какую... Мне, говорит, и

место это нравится, да и квартиру я так хорошо обустроил. Куда уж мне переезжать...

И тут я услышала доносящийся из-за двери приглушенный крик.

– Там кто-то есть! – проговорила я, невольно понизив голос.

– Точно, – спокойно подтвердила тетя Фрося. – Почему я и говорю – хорошо, что ты пришла. Так бы мне пришлось решать, чего с ним делать, а теперь ты решай, ты ведь хозяйка...

– С кем – с ним?

– А вот ты сама посмотри! – Тетя Фрося спустилась по лестнице к двери, немного подождала меня и открыла дверь – та, оказывается, была не заперта.

Дверь, кстати, была крепкая, металлическая, с несколькими основательными замками.

А за этой дверью...

За этой дверью была решетка из крепких металлических прутьев, а за решеткой...

В первый момент мне показалось, что за решеткой мечется большая обезьяна, вроде шимпанзе. Однако, приглядевшись, я поняла, что это человек, плюгавый мужичок средних лет, с унылой небритой физиономией и длинными, как и положено обезьяне, руками.

– Выпустите меня, женщины! – взмолился этот примат, вцепившись в решетку руками. – Выпустите! Сил больше

нет! Есть хочу и пить хочу, а особенно – наоборот...

– Смотри у меня! – прикрикнула на него тетя Фрося. – Сам потом будешь за собой убирать!

– Выпустите! – жалобным голосом проныл мужичок.

– Кто это такой? – спросила я тетю Фросю. – И как он туда попал?

– Кто он такой – я тебе скажу. Это Леха Смородин, известная личность. Постоянно во дворе ошивается, ищет, где бы подработать или лучше чего бы спереть.

– Вот зря ты так, Евфросиния! – возмущенно воскликнул пленник. – Я чужого никогда не беру!

– А как же насчет Бориного самоката?

– А я думал, что его кто-то забыл... Думал, он никому не нужен... И зачем было его оставлять без присмотра? И вообще, я его хотел Боре отдать...

– Как же, отдать, ты его уже продать пытался...

– Так все же, как он туда попал? – повторила я, почувствовав, что разговор уходит в сторону.

– А вот это ты у него спроси. Я утром мимо шла, услышала шум, смотрю – дверь не заперта, заглянула – а там он сидит, как мартышка в клетке... Леха, признавайся честно, как ты туда попал?

– Как попал? – Пленник воздел глаза к небу и заговорил фальшиво-убедительным голосом: – Известно как. Обычно. Проходил мимо, смотрю – дверь открыта. Ну, думаю, непорядок... еще, не дай бог, пропадет что-нибудь. Зашел,

хотел узнать, есть ли кто внутри, а тут эти решетки как бабахнутся... и ни войти, ни выйти!

– Леха, не зли меня! – прервала его увлекательный монолог тетя Фрося. – Ты за кого меня принимаешь? Думаешь, я поверю в твой народный театр у микрофона? Говори честно, а то Зинаиду позову! Она с тобой быстро разберется!

– Ох, только не надо Зинаиду звать! – На этот раз в голосе Смородина звучал неподдельный страх. – Только не ее... Она такая женщина... она такая...

– А кто это – Зинаида? – спросила я вполголоса.

– Сожительница его, – так же тихо ответила тетя Фрося.

– А что это он ее так боится?

– А она с ним научилась обращаться как дрессировщик с дикими зверями!

И тут же громко добавила:

– Колись, Леха! Тебе поможет только чистосердечное признание! Кто эту дверь открыл?

– Никто, – поспешно ответил Смородин, и его глаза предательски забегали. – Я сам...

– Ага, так я тебе и поверила! Я знаю, какие у Карпыча замки были на двери, тебе такие замки нипочем не открыть! Не твой уровень! Ладно, если не хочешь сотрудничать со следствием – прибегну к крайней мере... позову Зинаиду!

– Нет, не надо... все скажу! Только я их раньше никогда не видел... честно говорю!

– Их? Кого их?

– Ну, которые меня в этот подвал запустили.

– И кто же они такие?

– Говорю же – незнакомые... никогда их раньше не видел.

Один – долговязый, волосы курчавые, как шапка барашковая, а второй – невысокий и как колено лысый...

– Где же ты этих лысых баранов встретил?

– Тут, у нас во дворе. Я, значит, иду по своим делам, а тут – они, и спрашивают – мужик, заработать не хочешь? А кто же от такого откажется... Я и согласился.

– Ну, и что дальше?

– Они, значит, дверь открыли и говорят – заходи внутрь, посмотри, как там и что... я и зашел. А как зашел – так эти решетки и бабахнулись! Одна спереди, другая сзади, так что я ни выйти не могу, ни в квартиру зайти. Хорошо, мне хоть по голове не попало. Я их зову – мужики, выручайте! А их и след простыл... Евфросиния, имей совесть, выпусти меня! Мне очень срочно нужно...

– А как же я тебя выпущу? Я не знаю, как эту решетку открыть. Придется полицию вызывать...

– Ой, Евфросиния, только полицию не надо!

– Тогда придется тебе здесь до конца света сидеть!

– Может, и не придется, – подала я голос.

– Как это? Ты знаешь, как эту решетку открыть?

– Ну, я не уверена, но попытаться могу...

Дело в том, что во время разговора тети Фроси с пленником я разглядывала решетку, отделявшую его от свободы. И

увидела сбоку на решетке фигурную замочную скважину.

И вспомнила ключ, который нотариус передал мне в конверте.

Этот ключ выглядел так, как будто он подходил именно к этой скважине.

И сейчас я достала ключ из конверта и показала тете Фро-се.

Она посмотрела на ключ, в глазах у нее что-то сверкнуло, и она проговорила:

– Вообще-то, не стоило бы его выпускать... пусть бы еще посидел, в воспитательных целях!

– Евфросиния, имей совесть! – взмолился Смородин. – Сил больше нет терпеть!

– Только одно и останавливает: что потом придется после него тут отмывать... Ладно, попробуй!

Я вставила ключ в замочную скважину. Он, кстати, при-шелся как раз впору и легко повернулся в скважине...

Но больше ничего не произошло.

То есть решетка не открылась.

Смородин натурально взвыл. Я и то разочарованно вздох-нула.

– Не открывается!

Одна тетя Фрося ничуть не расстроилась.

– Выходит, Леха, так и придется тебе тут куковать!

– Да как же...

– Ну, позову Зинаиду, она тебе через решетку даст поесть

и попить. Пить будешь через соломинку, а есть исключительно макароны, они через решетку хорошо пройдут!

Сморозин позеленел – видимо, живо представил ожидающую его перспективу.

А я тем временем вытащила ключ из замочной скважины, чтобы убрать обратно...

И как только я его вытащила – что-то щелкнуло и решетка уехала вверх и скрылась в потолке.

И Смородин оказался на свободе.

Он от радости заверещал и бросился вверх по лестнице...

Но далеко не убежал.

Перед самой лестницей его перехватила невысокая женщина с обесцвеченными, мелко завитыми волосами и маленькими пронзительными глазками.

– И куда это ты так торопишься? – процедила она голосом, скрежещущим, как ржавое железо на морозе.

– Зинуля, в туалет! – выпалил Смородин. – Я тебе потом все объясню, а сейчас никак не могу!

Сладкая парочка удалилась, тихо переругиваясь, а я, опасно оглядываясь, вошла в бывшую дворницкую.

Кто его знает, этого деда, может, он здесь приготовил еще какие-то сюрпризы...

Тетя Фрося вошла следом за мной.

Мы оказались в тамбуре, ограниченном с одной стороны входной дверью, а с другой стороны – второй такой же решеткой.

В этом тамбуре и был заключен несчастный Смородин, пока я его не выпустила.

На краю второй решетки тоже была замочная скважина. Я вставила в нее свой ключ, повернула.

На этот раз я уже знала, что нужно делать, и вытащила ключ. И решетка тут же уехала в потолок, открыв нам проход в саму квартиру. Если, конечно, это логово можно назвать квартирой.

– Ну Карпыч, хитер! – проговорила тетя Фрося с уважением. – Надо же, какую ловушку устроил! Прямо мышеловка!

Действительно, этот тамбур напоминал огромную мышеловку – не такую, которая прижимает бедную мышь пружиной, а сделанную в виде клетки с падающей дверцей.

Я подумала – что же такое ценное было у деда в этой мастерской, что ему потребовались такие меры безопасности?

Короче, мы прошли через тамбур и оказались в квартире. То есть в бывшей дворницкой.

Эта дворницкая состояла из трех небольших смежных комнат с низкими сводчатыми потолками. Комнаты эти соединялись полукруглыми арками без дверей.

Вот интересно: он устроил такую систему защиты на входе в свое логово, а между комнатами даже дверей не сделал!

Дворницкая была обставлена кое-какой мебелью, но вся эта мебель была старая, неказистая. Причем не антикварная, а именно что просто старая, дешевая.

Было здесь штук пять разномастных стульев, большой

платяной шкаф, несколько столов – один рабочий, один обеденный и пара маленьких, непонятно для чего предназначенных.

В общем, вид у этого помещения, законной владелицей которого я стала, был самый незавидный. Понятно, почему сестрицы так злорадно переглядывались и перешептывались.

Но подумала об этом я позднее, а в первый момент не успела ни о чем подумать, потому что произошло еще кое-что.

Когда мы открыли вторую решетку и вошли в дворницкую, вместе с нами туда проскользнул еще кое-кто.

Это был кот.

Самый обычный дворовый кот, красивого дымчато-серого цвета, но тощий, запущенный и грязный. Шерсть местами была слипшаяся, на одном ухе виднелась кровь.

– Эй, ты куда это? – проговорила я удивленно. – Надо же, зашел как к себе домой!

– Вообще-то, он к Карпычу часто приходил, – смущенно сообщила мне тетя Фрося. – Старик его подкармливал. Хотел его у себя оставить, да кот не согласился, – видно, привык к свободе. Правда, сейчас он какой-то грязный, а был красивый, пушистый. Видно, как Карпыча не стало, его никто не кормит... На помойке небось питался или мышей ловил. Он вообще-то даже крысу может поймать; Карпыч мне говорил, тут в подвале ни мышей, ни крыс не стало, как кот

за дело взялся.

Я вздрогнула, представив, как по помещению вышагивают полчища крыс. Вот только этого мне не хватало! Неужели и правда кот может с ними справиться?

– А как его зовут?

– Карпыч его Пантюшей называл... или Пантиком.

– Пантелей, что ли?

– Наверное.

Тетя Фрося огляделась и проговорила:

– Ну, я тебе больше не буду мешать, обустройства тут. Если что понадобится, обращай ко мне.

С этими словами она покинула дворницкую, оставив меня одну.

Вернее, вдвоем с котом.

Кот, кстати, чувствовал себя как дома.

Как только тетя Фрося ушла, он потерял мои ноги, громко мяукнул, а потом боднул головой, явно на что-то намекая.

То есть понятно, на что – на кормежку.

– Извини, но у меня ничего нет. Я ничего не принесла.

Кот громко мяукнул и посмотрел на меня с возмущением: как ты могла обо мне не подумать!

– Но я вообще не знала о твоём существовании!

Да, похоже, что этот кот достался мне в наследство от деда. Этот кот да еще жалкое подобие жилплощади, бывшая дворницкая...

Мне невольно вспомнилась сказка «Кот в сапогах».

Там герой тоже получил в наследство кота...

И тут кот еще раз выразительно мяукнул и пошел в дальнюю часть дворницкой, где у покойного деда имелось что-то вроде маленькой скромной кухоньки.

Там была эмалированная раковина с краном, газовая плитка на две конфорки и небольшой холодильничек.

Я на всякий случай заглянула в него.

Конечно, там ничего не было, – точнее, на верхней полке скучал засохший кусок сыра.

Еще рядом с холодильником был небольшой шкафчик.

Вот перед этим шкафчиком кот уселся кувшинчиком, аккуратно обернув лапы хвостом, посмотрел на дверцу шкафчика, а потом на меня. Еще раз на дверцу – и снова на меня. И этот маневр он повторил еще три или четыре раза.

– Ты хочешь мне сказать, что у Карпыча... у моего деда в этом шкафчике хранится запас кошачьего корма?

В глазах кота сверкнуло удовлетворение – мол, наконец-то эта недотепа что-то поняла!

А я открыла шкафчик и заглянула в него.

Там и правда кое-что было, в основном продукты длительного хранения – соль, сахар, пакет сухарей, бутылка растительного масла, и да, там, на верхней полке, лежал пакет, на котором красовалась выразительная кошачья морда.

Ну да, сухой кошачий корм!

– Ну, ты молодец! – проговорила я, достала пакет и насы-

пала приличную порцию корма в мисочку.

Кот тут же принялся за еду, даже не устроил традиционный кошачий номер – мол, какую гадость ты мне предлагаешь. Ел он жадно, но аккуратно, ничего не разбрасывал.

А я поставила пакет на место.

И при этом заметила на задней стенке шкафчика, как раз за этим необходимым пакетом, неприметный металлический шпенечек – вроде защелки.

– Интересно! – проговорила я и из чистого любопытства сдвинула этот шпенечек.

И тут весь шкаф, со всем его содержимым, поехал в сторону, как дверь купе в вагоне...

Вот тут настало время объяснить, как я оказалась в этой, с позволения сказать, квартире не просто гостьей, а хозяйкой.

В тот день я проснулась от звонка телефона. Вот именно, от звонка, так у меня установлено: если звонят с незнакомого номера, то чтобы был именно звонок.

Потому что кто может мне звонить с незнакомого номера? Правильно, мошенники. Или реклама, которая мне совершенно не нужна. Так что я сразу знаю, что можно на такие звонки не отвечать.

Некоторое время понадобилось мне, чтобы сообразить, что к чему и где я вообще нахожусь.

Ну, то есть ясно где, в своей постели, просто спала я так крепко, что не сразу пришла в себя. А когда очухалась, то телефон уже умолк. И только я повернулась было на другой

бок и собралась еще немного поспать, как проклятый мобильник зазвонил снова.

И вот не спрашивайте как, но я точно знала, что звонит тот же самый человек. Очень я ему нужна оказалась.

– Слушаю! – рявкнула я в трубку.

В ответ женский официальный голос спросил:

– Карпова Светлана Анатольевна?

– Ну я, а в чем дело?

Ясно, что не мошенники и не реклама; впрочем, возможно, и мошенники.

Женщина сказала, что она беспокоит меня по поручению нотариуса Селиверстова и что мне нужно явиться к нему, чтобы вступить в права наследства.

Что? Наследство? Ну точно это мошенники.

Но что-то меня удержало от немедленного отсоединения, – возможно, голос у женщины был слишком официальный.

– Не знаю ничего ни про какое наследство, – буркнула я сонно, – в чем вообще дело?

– Карпов Иван Федорович вам кем приходится? Точнее, кем приходился?

– Не знаю... – по инерции начала я, но осознала, что фамилия-то моя, я тоже Карпова.

Карпов Иван Федорович... отца моего звали Анатолий... да что я про отца, его давно нету... Ладно, мало ли на свете Карповых. Распространенная фамилия.

– Вы, наверное, что-то перепутали, – твердо сказала я, но женщина не согласилась.

– Есть завещание Карпова Ивана Федоровича, вы указаны в нем.

Тут я вспомнила, что отчество у моего отца было Иванович, так что, возможно, это мой дед...

Но я понятия не имела, что он умер. То есть я думала, что он умер уже давно. То есть вообще о нем не думала.

И пока я старалась собрать мысли в кучу, женщина сказала, что мне следует явиться сегодня в нотариальную контору по такому-то адресу с паспортом.

– Сегодня? И когда?

Оказалось, что к двенадцати часам, позже никак нельзя. Я спросила, отчего такая срочность, и женщина очень холодно ответила мне, что послезавтра истекает обязательный законный срок в полгода, когда необходимо мне вступить в права наследства, а поскольку послезавтра воскресенье, то нужно это сделать сегодня.

И в ответ на мой естественный вопрос, отчего они не сообщили мне о наследстве заранее, она ответила уже совершенно ледяным голосом, что они прислали мне два письма, на которые не получили ответа, а там предписывалось мне позвонить по указанному номеру телефона, то есть в нотариальную контору. Но я не позвонила, так что они предприняли последнюю попытку, и если я не явлюсь сегодня, то...

Пока она долго и нудно перечисляла все последствия моей

неявки, я пыталась думать.

Значит, было два письма на мой адрес, то есть на адрес, по которому я прописана. И если пару-тройку месяцев назад я еще жила там, в той квартире, то вполне могла прозевать письмо, потому что редко заглядывала в почтовый ящик, раз в две недели выбрасывала весь рекламный хлам, так что могла не заметить.

Но последнее письмо, по словам этой замороженной дамы, должно было прийти недели две назад. И что же, моя дорогая мамуля его не нашла и не прочитала? Если речь там шла о наследстве, то уж мамуля не упустила бы такое дело.

Тут я вспомнила, что мамуля со своим новым, четвертым (или пятым?) мужем отбыла на отдых к теплому морю.

Обычные люди отдыхают на море две недели, но мамуля со своим благоверным решили совместить отпуск со свадебным путешествием, поэтому получился почти месяц.

Так что наверняка важное письмо до сих пор лежит в почтовом ящике, поскольку мамуля не разрешила мне в это время пожить в своей квартире. Видите ли, ее новый муж будет недоволен, если в его спальне на его кровати будет спать чужой человек, — он, дескать, некомфортно себя чувствует.

И как вам это понравится? Может быть, я тоже недовольна, что на моем месте спит чужой человек? Потому что свою спальню они устроили в моей комнате. Мебель, конечно, купили новую...

— Вы слушаете? — вклинилась в мои безрадостные мысли

помощница нотариуса.

Я сказала, что буду в означенное время и паспорт не забуду.

И только закончив разговор, я позволила себе скрипнуть зубами и выругаться.

Дело в том, что сегодня пятница, и я взяла на работе отгул, чтобы заняться собой. Записалась в парикмахерскую, к своему косметологу и на маникюр. Потом хотела немного походить по магазинам, но это уж как получится.

Выходит, не получится вообще ничего, придется тащить-ся в нотариальную контору. И что там еще за наследство? Вряд ли дедушка оставил мне загородный дом. Или большую квартиру в центре. Скорей всего, несколько тысяч на счету.

Ну и на том спасибо, мы люди не гордые, все пригодится.

Больше всего времени я потратила, чтобы связаться с салоном красоты и отменить запись – точнее, перенести на другое время. Удалось не все, да еще мне поставили на вид, что так не делают, что нужно было предупредить заранее.

В общем, я еле успела вымыть голову и кое-что набросать на лицо. Машинально натянула джинсы и куртку, потом вернулась с лестницы и поменяла куртку на легкое пальто. Не то чтобы оно очень приличное, но я в нем хожу на работу, другого у меня нету.

В метро я думала о своей жизни.

Деда я совершенно не помню; может быть, и видела его пару раз в детстве, но в памяти ничего не застряло. Если чест-

но, то я и отца своего не очень помню.

Дело в том, что родители мои развелись, когда мне было всего пять лет, так что, сами понимаете, детские воспоминания в таком возрасте недолговечны.

Не знаю уж, в чем там было дело с разводом, мамуля никогда про это не рассказывала, только поругивала отца за чрезмерную любовь к женскому полу и за маленькие алименты.

Но, как показала жизнь, мамуля была не совсем права, когда возлагала всю вину на отца.

Во всяком случае, если вы думаете, что папочка водил меня на выходных в зоопарк, в кино и в кафе-мороженое, то сильно ошибаетесь. И ценных подарков на день рождения и на Новый год от него я тоже не получала. Очевидно, он считал, что родительский долг покрывается алиментами.

А потом алиментов стало меньше, потому что, как объясняла мамуля подружке по телефону, этот мерзавец, то есть мой отец, снова женился. И у него уже родился ребенок.

Хорошо хоть, на квартиру не претендует, приговаривала мамуля каждый раз в конце разговора.

Потом мамуля вышла замуж...

Слушайте, вот честно, я лица своего отчима не помню. Тихий был какой-то мужчина, незаметный, неразговорчивый. Помню, сидел в комнате за столом и что-то не то чертил, не то рисовал. Звали его, кажется, Юрий. А вот лица не помню.

Был у него это тоже второй брак. Я помню, как его жена

приходила к нам ругаться, опять-таки из-за алиментов, орала так, что соседи выскочили на лестницу. Обвиняла мамулю, что та все деньги забирает, ей ребенка растить не на что.

Мамуля, конечно, в долгу не осталась; в общем, они в процессе скандала разобрались, что денег он мамуле дает совсем немного, совместными силами прижали общего мужа к стенке и выяснили, что он уволился с работы. Потому что ему срочно нужно доделать свой проект и он не может тратить время и силы на всякую ерунду.

Вот так, сказала мамуля, работа, то есть то, за что платят хоть какие-то деньги, — это для него ерунда. А проект...

Скажу честно, мамуля у меня женщина если не интеллигентная, то достаточно цивилизованная, с высшим образованием, умеет себя вести в приличном обществе и так далее.

Но в тот раз я впервые услышала от нее несколько слов из нецензурной лексики. Бывшая жена ушла, сообразив, что денег она никаких не получит, а мамуля собрала чемодан с вещами своего мужа и выставила его за дверь. Он не спорил, сложил свои бумажки в потертый рюкзак и, выражаясь словами сериалов, исчез из нашей жизни навсегда.

Опять-таки из мамулиных телефонных разговоров я узнала, что Юрка, как она его называла, ушел к какой-то своей бывшей коллеге, которая приняла его из жалости, как говорила мамуля, кормит его, поит, одевает, дура такая. Ну, с виду, конечно, она страшная, просто мымра, так что ей хоть какой муж сгодится.

А через несколько лет от общих знакомых мамуля узнала, что проект Юрия оказался чрезвычайно успешным, его купила крупная компания и взяла его на работу не просто рядовым служащим, а какой-то шишкой. И он даже получил какую-то солидную премию, и показывали его в новостях по телевизору, тут уж я не удержалась и посмотрела. А мамуля только ахнула, до чего ее бывший преобразился. Костюм дорогой, вид уверенный, и говорит звучным, хорошо поставленным голосом, а раньше и двух слов связать не мог.

И рядом с ним та самая мымра, бывшая его коллега, которая его из жалости подобрала. И такое на ней платье, и такие на ней туфли, а Юрий ее за все благодарит в эфире – за поддержку, за понимание и за то, что она одна в него верила.

Тут мамуля не выдержала и выключила телевизор.

Единственная хорошая новость заключалась в том, что той, первой жене, тоже ничего не обломилось, поскольку сын Юрия уже достиг совершеннолетия.

Мамуля недолго переживала и быстренько снова вышла замуж, у нее уже был кое-кто на примете.

Но это уже совсем другая история, потому что мне пора было выходить.

Нотариальную контору я нашла без труда, но чуть опоздала. Всего-то минут на десять, но женщина в приемной нотариуса посмотрела на меня с таким холодным презрением, что я сразу поняла, что именно с ней мы говорили по телефону.

Она забрала мой паспорт и велела ждать, Михаил Михайлович вызовет...

Я пожала плечами и села в сторонке. В приемной были люди – старушка с дочкой, по которой видно было, что лет через пятнадцать она станет точно такой же старушкой, крупный мужчина делового вида – этот, скорее всего, за доверенностью. На противоположной стороне сидели две девицы. То есть девицей можно было назвать только одну, по ней понятно было, что она молодая, вторая же была гладкая, высокая – как говорят, видная из себя.

И всего у нее было много: волосы пышные, покрашенные дорого, аж в три оттенка (примерно знаю, сколько такое стоит, у меня на это ни денег, ни времени нету), черты лица крупные, макияжа на этом лице многовато, но зато все ярко и броско. Помада малиновая, маникюр того же цвета, и парфюм такой резкий, что у меня защипало в носу, хоть я и была на другой стороне комнаты.

Вторая была помоложе, похудее и малость побледнее, но все равно они были похожи – значит, сестры.

Одеты обе были... не то чтобы шикарно, скорее вызывающе. На меня они посмотрели с одинаковой брезгливостью, затем девица помоложе наклонилась и что-то громко зашептала сестре. Я уловила два слова: отстой и убожество.

Я опустила глаза и глубоко вдохнула сильно ароматизированный воздух. Захотелось чихнуть, но я удержалась.

Девицы шептались, одна хихикала, вторая, то есть первая,

что-то грозно ей выговаривала.

Маловероятно, что они просто обсуждают постороннюю, – такое поведение свойственно исключительно школьницам, а эти двое школу давно окончили.

Значит, они меня знают. Вот интересно, а я понятия не имею, кто они такие. Но если принять во внимание, что мы находимся в нотариальной конторе, то... Знаю, это дочери моего отца!

Ну да, говорила уже, что родители развелись, когда мне было пять лет, а через некоторое время отец женился и у него родился ребенок. Так, мне сейчас тридцать два, минус пять, точнее, шесть лет, – значит, этой, из себя видной, двадцать шесть.

А кажется старше...

Тут я сообразила, что не время сейчас злопыхать, а лучше как-то наладить отношения с этими двумя.

Сестрички, значит. Единокровные. То есть мы все трое – внушки дедушки Ивана Федоровича, наследство он оставил нам.

И только я собралась было подойти к ним и представиться, как из динамика послышался голос:

– Карповы, можете войти!

Я не ошиблась, девицы вскочили и бросились в кабинет, причем старшая возле двери оттерла меня плечом и проскочила вслед за сестрой, та шустро успела первой.

Нотариус был мужчина за пятьдесят, совершенно лысый,

но с бородой. Он окинул нас внимательным взглядом, пригласил садиться, затем надел очки и прочитал завещание.

Дед, будучи в здравом уме и твердой памяти, завещал все свое движимое и недвижимое имущество троим своим внукам: Светлане, Анне и Марии Карповым.

Далее шли подробности.

Трехкомнатная квартира на канале Грибоедова со всей мебелью и картинами завещалась Анне.

«Золотой треугольник! – мелькнула у меня в голове мысль. – Сколько же стоит эта квартира?»

Загородный дом в поселке Мухино с участком двадцать соток завещался Марии.

«Мухино! Это же самое престижное место на Карельском перешейке! Там участки буквально золотые!»

И наконец, квартира в Кравцовом переулке площадью семьдесят два квадратных метра завещалась Карповой Светлане Анатольевне, то есть мне.

Квартира? Мне?

Эти двое выглядели недовольными, лица у них вытянулись. Ну ничего себе, а чего они ожидали?

Нотариус зачитал еще что-то, потом спросил, все ли понятно и есть ли вопросы.

– А Кравцов переулок – это где? – спросила я.

– Это возле Сенной площади, – ответил нотариус, – Петербург Достоевского...

И улыбнулся чуть виновато.

– Дыра, в общем! – сказала сестрица Анна.

– Убожество! – согласилась сестрица Мария.

И они обе рассмеялись.

Я решила не обращать внимания. В конце концов, в данный момент у меня вообще нет никакой жилплощади, меня собственная мать из квартиры попросила, так что какое ни есть, а все же жилье. Мое, между прочим, собственное.

Мы подписали еще бумаги, заплатили какие-то деньги, и две сестрицы ушли, тихо переругиваясь. А мне нотариус дал заклеенный помятый конверт, в котором чувствовалось что-то тяжелое. Еще сказал, что ключи от квартиры я могу получить от управдома, он ему позвонит, если я поеду туда прямо сейчас.

Я решила не откладывать и согласилась, все равно отгул на работе взяла.

Снова я ехала в метро и думала о своей жизни. Казалось бы, люди разводятся, снова женятся, заводят еще детей, а потом как-то все это совмещают.

Вот со мной в школе училась Ленка Сударушкина, так она каждое лето ездила к отцу в другой город, куда-то за Урал. И рассказывала, что есть у нее там брат и сестра. И она с ними дружит, постоянно переписывается и перезванивается, а на зимние каникулы они приезжали в Питер, и Ленка носилась с ними по городу как угорелая. И ее мать с новым мужем не имели ничего против.

А у меня получилось, что сестер своих по отцу я сегодня

увидела впервые. Ну, другое дело, что они мне не понравились, да и я им тоже, но все-таки это как-то неправильно.

Дело в том, что когда мне было двенадцать лет, отец исчез. Как это ни странно звучит. Просто исчез: будто бы шел с работы, а до дома не дошел, пропал по дороге.

Как я уже говорила, с отцом ни я, ни мамуля не общались, поэтому узнали мы о его исчезновении только через месяц, когда не пришли очередные алименты. Хоть и были они небольшие, но все же деньги. Мамуля к тому времени жутко зла была на отца, потому что алименты не только не увеличивались с годами, но даже существенно уменьшились.

Потому что буквально за полгода до своего таинственного исчезновения отец развелся со своей второй женой, и та тут же подала на алименты. Сами понимаете, деньги теперь полагалось делить на троих, а не на одного ребенка.

Снова слышала я от мамы ненормативную лексику, но она быстро успокоилась, потому что у нее был уже муж.

Этого я помню, здоровый такой мужик, крупный, плечистый, голос громкий, как пароходная сирена, рукой махнет – и обязательно что-нибудь уронит, разобьет или сломает, мать вечно на него шикала. Работал он инженером в какой-то организации – не то мосты проектировал, не то промышленные здания.

Ко мне никак не относился – кажется, он меня просто не замечал, как мелкую букашку. Звали его Олег. Деньги какие-то в дом он приносил, но, по выражению мамы в теле-

фонной беседе с подружкой, был серый как валенок.

Не затащить его было ни в театр, ни, боже упаси, в музей, по телевизору он смотрел исключительно футбол, музыку вообще никогда не слушал. Выходные предпочитал проводить на природе. Причем ладно бы приглашали на дачу на шашлыки, куда можно приехать в относительно приличной одежде, поболтать за бокалом вина, поесть шашлыков и ехать домой.

Так нет же, этот дикарь, как мамуля называла его по телефону, либо на рыбалку едет в такую глушь, что там только комаров и мошек кормить, либо по лесам зашаривает с пяти утра до позднего вечера. Пару раз она с ним съездила, на всю жизнь зареклась. И муж ее не спорил, с удовольствием ездил в мужской компании. А там, сами понимаете, свои развлечения. После рыбалки нужно выпить.

Скажу честно, сильно пьяным я его никогда не видела. Здоровый был мужик, как я уже сказала, крупный, такого спиртное не возьмет, хоть бочками пей.

Но мамуля была недовольна и все время его пилила, зачем ей, дескать, такой муж, которого вечно в выходные дома нету. И как-то раз я пришла домой и застала ее собирающей чемодан.

Оказалось, все не так страшно, просто Олег уезжает в командировку. Далеко и надолго. Как я уже говорила, он был инженером-строителем, и где-то в Восточной Сибири задумали строительство большого завода по проекту их фирмы.

Он уехал и вернулся через четыре месяца с новостями. Завод успешно строился, и ему предложили руководящую должность. Причем нужно было полностью переехать туда.

Пока рабочие и персонал жили во временных домиках, потом непременно построят большие дома, где будут квартиры со всеми удобствами.

В общем, его было не узнать. Кажется, он стал еще выше ростом, крупнее, голос еще громче, он тут же разбил половину нового сервиза и только смеялся.

Мамуля встретила его предложение в штыки, то есть сначала она спросила: что он это, серьезно? Бросить комфортабельную квартиру в большом городе и переехать в эту тьмутаракань, где нет даже элементарных удобств?

Олег сказал, что ему тесно здесь, в этой квартире, да и вообще в городе он чувствует себя как в клетке, что там, в тайге, ему лучше дышится, что там простор и много неба...

Я слушала их разговор из своей комнаты и даже удивилась, никак от него не ожидала такого...

Тут мамуля вспомнила про меня и спросила, как она может бросить дочь пятнадцати лет одну? На это Олег ответил, что сейчас лето, можно устроить меня в лагерь отдыха от его фирмы, ему без проблем дадут путевку. Или же можно взять меня с собой, а она, мамуля, пока оформит отпуск. И он там будет посвободнее, он покажет ей, какая красивая тайга, и горы, и сопки, и реки...

Я оживилась в предвкушении дальней поездки, но тут ма-

муля вспомнила про комаров и решительно сказала «нет». И все, больше это не обсуждается.

Олег ответил, что тогда – все. Больше не о чем разговаривать. И ушел, забрав остальные вещи.

Потом, в разговоре с подружкой, мамуля говорила, что ничего хорошего из этого все равно не выйдет, что насчет руководящей должности Олег если не врет, то выдает желаемое за действительное и что он там, в дикой глуши, просто сопьется.

Да... вот как раз недавно читала в новостях про тот завод. И про директора этого завода Олега Разуваева. Он тогда пошел в гору, очень много работал, в наш город больше не ездил, только в Москву иногда наведывался по делам.

Мамуля тогда запретила даже упоминать при ней его имя, сказала, что он просто сбежал. Потом, узнав про его успехи, во всем обвиняла меня – дескать, из-за меня она не поехала с ним.

Я не спорила, давно уже поняла, что спорить с мамулей – себе дороже обойдется.

Сейчас я очнулась от мыслей и осознала себя в чужой квартире, точнее не в квартире, а в подвале, где из дверей вылезают решетки, а шкафы сдвигаются сами собой.

Я испуганно попятилась.

Итак, как я уже сказала, шкаф отъехал, как дверь купе в поезде, и остановился.

За ним был темный проем.

Я растерянно смотрела в таинственную темноту, не зная, что делать. Мне было и любопытно, и страшно – что за неожиданности караулят меня там...

А дед-то был далеко не прост!

А с чего я вообще думала, что дед простой? Да если честно, то я вообще о нем не думала, не знала, чем он занимается, кем был по специальности, где жил...

Да, судя по наследству, покойный дедушка был человеком далеко не бедным. Сами посудите: квартира в «Золотом треугольнике», дом в Мухине...

Но это все досталось не мне. А мне – вот эта дворницкая. Как говорится, на тебе, боже, что нам негоже.

Ну еще бы, те две внучки небось дедушку по праздникам навещали, по телефону звонили, о здоровье справлялись... держали, в общем, руку на пульсе.

Я тут же устыдилась своих мыслей. В конце концов, если мамуля с отцом не поддерживала никаких отношений, то я бы и сама могла... Хотя тогда не могла, была слишком мала.

А вот потом, когда отец исчез... Конечно, можно было как-то выяснить про деда. Но я никогда не интересовалась родственниками с той стороны. А зря.

Сейчас у меня возникла даже мысль закрыть эту тайную дверь и все, что за ней скрывается.

И в это время мимо меня проскользнул кот. Стремительно промелькнул у меня под ногами – и растворился в темноте...

– Пантик! – крикнула я вслед коту. – Пантюша! Куда ты?

Вернись немедленно!

Но кот никак не отреагировал на мой призыв.

Если раньше я была в сомнениях, мне было страшно заходить в тайник, то теперь ничего не оставалось – ведь не могла я оставить кота в тайнике! Нужно было его вызволить...

Я шагнула в темноту, боязливо застыла на пороге и снова негромко позвала кота:

– Пантик! Ну имей совесть, вернись!

Никакого ответа не последовало.

Я сделала еще шаг вперед, вгляделась...

При слабом свете, проникавшем из кухни, с трудом можно было различить смутные очертания мебели, но увидеть кота было, конечно, невозможно.

Я вертела головой и тут заметила светлое пятно на стене рядом с входом. Что-то подсказало мне, что это может быть электрический выключатель. Я протянула к нему руку, нажала на кнопку – и комнату залил яркий свет.

Я удивленно ахнула.

Комната, в которой я сейчас оказалась, разительно отличалась от дворницкой.

Она была гораздо просторнее, освещала ее старинная бронзовая люстра на шесть рожков, а мебель здесь была такая, какую можно увидеть разве что в музее, – несколько стульев с изящно выгнутыми золочеными ножками, низкий столик с инкрустированной перламутром столешницей, диванчик, обитый золотистым шелком, узкий шкафчик крас-

ного дерева с застекленными дверцами, внутри которого на черной бархатной подстилке лежала скрипка...

Надо же – скрипка!

Я в скрипках и прочих музыкальных инструментах совершенно не разбираюсь, но что-то подсказало мне, что скрипка эта очень хорошая, старинная.

Об этом говорили ее изящная форма, мягко отсвечивающий блеск деки...

В общем, я увидела очень много интересного. Но вот кота я не увидела...

Я снова позвала его:

– Пантик, Пантик! Где ты, хвостатый паршивец? Куда ты спрятался?

Он по-прежнему не отзывался.

Я обошла комнату, заглядывая во все углы.

Кота не было.

Но в дальнем конце комнаты я увидела полуоткрытую дверь...

Эта дверь буквально приглашала, звала меня. И, судя по всему, не только меня.

Ну ясно, этот паршивец явно забрался туда!

Я открыла эту дверь, шагнула внутрь, нашла выключатель и включила свет.

И снова все вокруг меня переменялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.